

Загадки спасенного архива А.И.Пападопуло-Керамевса.

Н.А. Капица

Г.М.Маневич, директор Музея истории ИППО

Имя Афанасия Ивановича Пападопуло-Керамевса сегодня известно только в очень узких кругах историков - специалистов по древней Византии, хотя его наследием современные византологи пользуются весьма активно.

Поэтому, прежде чем приступить к рассказу о своих поисках и находках, напомним, что Афанасий Иванович Пападопуло-Керамевс (26.04.1856, Греция - 18.10.1912 Санкт-Петербург) - греческий и русский историк-эллинист, византолог, палеограф, член Императорского Палестинского Православного Общества.

Афанасий Иванович родился в семье православного священника. Получил образование в Евангелической школе Смирны, некоторое время посещал французскую и армянскую гимназии.¹

После окончания гимназии работал учителем в Смирне, затем был библиотекарем и хранителем музея Евангелической школы. В это время начал изучение древнегреческих рукописей. По приглашению Греческого филологического общества в Константинополе в 1881 году занял должность его секретаря. Описал и издал каталоги греческих рукописей Смирнинского музея, филологического общества и других собраний.

В 1884 году участвовал в работе VI Археологического съезда в Одессе. В 1887 году Московский университет присудил ему степень доктора греческого языка, словесности и древностей.

В 1887 году по приглашению Иерусалимского патриарха Никодима переехал в Иерусалим. Здесь изучал греческие рукописи, находившиеся в монастырях патриархата. Осенью 1890 года по приглашению Председателя Императорского Православного Палестинского Общества Великого Князя Сергея Александровича, А.И.Пападопуло-Керамевс прибыл в Санкт-Петербург для подготовки к печати и редактирования предпринятого Обществом издания описания греческих рукописей, находящихся в хранилищах Иерусалимского патриархата.

В 1892 году Афанасий Иванович был допущен к преподаванию новогреческого языка в Петербургском университете в качестве приват-

¹ **Евангелическая школа в Смирне** - греческое учебное заведение, основанное в 1733 году в Смирне, Османская империя, ныне Измир, Турция. В конце XIX - начале XX века она стала самой важной греческой школой в городе, располагая археологическим музеем, коллекцией естественных наук и библиотекой, которая содержала около 50 000 томов и 180 рукописей. Евангелическая школа прекратила свою деятельность в 1922 году в результате захвата Смирны Турцией.

доцента. В 1899 году принял российское подданство. В 1904 году принят на должность библиотекаря в Императорскую Публичную библиотеку (далее - ИПБ) в Отделение богословия.

Пападопуло-Керамевс сделал очень много для приведения фондов богословского отдела ИПБ в порядок, введения в научный оборот хранящихся в нем ценнейших источников. Им была начата работа по составлению систематического каталога Отделения, подготовлен каталог греческих рукописей Рукописного отделения. Издание каталога не было осуществлено, поскольку и дирекция, и Академия наук, куда А.И.Пападопуло-Керамевс обратился с таким предложением, поставили условие перевода описаний, сделанных на новогреческом языке, на русский язык. В 1910 году по поручению Академии наук А.И.Пападопуло-Керамевс совершил пятимесячную поездку в Египет и Грецию для исследования рукописей, хранившихся в библиотеках этих стран. По возвращении в Петербург он серьезно заболел. На основании медицинского освидетельствования (фото 16-16а) с осени 1911 года его освобождают от обязанностей заведующего Отделением богословия с поручением составления каталога греческих рукописей Публичной библиотеки и «ученого описания наиболее замечательных из них» (фото 9), что в действительности означало лишь констатацию невозможности его участия в реальной деятельности Отделения.

Пападопуло-Керамевс располагал ценной коллекцией греческих рукописей, собранных им во время многочисленных поездок по местам их сосредоточения, и богатой библиотекой. Испытывая материальные трудности, он продал в 1911 году большое число наиболее ценных рукописей своей коллекции Публичной библиотеке на сумму 2000 рублей. После смерти Пападопуло-Керамевса его наследница Е. Г. Масленникова, исполняя волю покойного, продала Публичной библиотеке большую часть собрания рукописей и книг - на сумму 15000 рублей.

Пападопуло-Керамевс занимал видное место в ряду византологов своего времени. Его многочисленные работы в области византийской истории, литературы и греческой палеографии высоко оценивались отечественными и зарубежными специалистами. Наиболее значительным трудом Пападопуло-Керамевса является 5-томное описание греческих рукописей Иерусалимского патриархата, изданное в Санкт-Петербурге на греческом языке (1891 - 1915 годы), а также 5-томная публикация документов «Иерусалимский сборник неизданных доселе редчайших текстов, преимущественно относящихся до Палестины, православной церкви и византийской истории» (СПб., 1891-1898, на новогреческом языке). Им опубликовано около 90 трудов по истории, археологии, палеографии и литературе, в основном на греческом, а также на латинском, французском, русском языках, выпущенных как отдельными книгами, так и в различных периодических изданиях и сборниках.

А.И.Пападопуло-Керамевс был почетным членом Санкт-Петербургской и Казанской духовных академий, членом Императорского Палестинского Православного Общества, Греческого филологического общества в

Константинополе, почетным членом археологических и исторических обществ Германии, Италии и Франции.

Награждён орденами Анны 2-й степени, Станислава 2-й степени, турецким орденом Меджидие 3-й степени, имел чин статского советника.

Похоронен на Смоленском кладбище в Петербурге. ²

Часть I. Афанасий Иванович

Разбирая архив моей бабушки, Масленниковой Ксении Михайловны (маминой мамы) или бабушки Кисы, как мы все ее называли, я обратила внимание на пожелтевший от времени, вчетверо сложенный большой лист с потрёпанными краями, склеенный с внешней стороны пергаментной бумагой, так как на изгибах листа образовались просветы и дырки. Развернув, прочла: «Свидетельство. Дано сие из Греческой Посольской церкви в Санкт-Петербурге о том, что у Попошуйского мещанина Бессарабской губернии, Аккерманского уезда Константина Ивановича Масляникова и законной жены его Елены Георгиевны сын Александр родился 30 июля, а крещен 26 сентября 1903 года. Восприемниками были: потомственный почетный гражданин Афанасий Иванович Пападопуло-Керамевс и дочь турецкого поданного Афина Папаянни. Гербовый сбор уплачен. С.Петербург Октября, 24 дня, 1903 года. Настоятель Греческой Посольской церкви Архимандрит..... (фото 1).³

Это свидетельство о крещении моего деда Александра. Я знала, что его мать Елена Георгиевна (в девичестве Капица) была чистокровной гречанкой и переехала со своей семьей в конце XIX века из Афин в Константинополь, из Константинополя в Одессу, а позднее вместе с мужем и дочерью Евгенией в Санкт-Петербург. Фамилия Пападопуло-Керамевс была весьма выразительна даже для грека. Ну, раз потомственный гражданин, подумала я, то наверняка можно что-то о нем поискать в интернете. Интересно: кто таков? Можете представить мое удивление, когда с первого же клика на экране монитора передо мной предстал красивый, статный пожилой мужчина с седой бородой, историк-эллинист, византолог. Я стала вспоминать бабушкины рассказы о близких и далеких родственниках, запечатленных на фотографиях конца XIX - начала XX века. Фотографии хранились в очень большом старинном альбоме и представляли собой декорированные картонки. На оборотной стороне каждой из них была, как мы сегодня бы сказали, визитная карточка с указанием фамилии хозяина ателье, города, адреса и даже телефона. На одной из таких фотографий, сделанной в Одессе, в ателье Готлиба (угол Гаваной и Ланжероновской, дом № 9/21), изображена моя прабабушка - Масленникова Елена Георгиевна (далее Е.Г.). Фото сделано в Одессе еще до ее переезда в Санкт-Петербург. Юная хорошенькая девушка, с вздернутым носиком, высокой прической (фото 2). Здесь ей лет 15, по моим подсчетам. На другой фотографии, более поздней, сделанной в ателье Везенберга по адресу улица Вознесенская, дом 32 в Санкт-Петербурге в 1905 году, Е.Г. уже взрослая женщина, полная, статная, в шляпе с пером и зонтиком. Весьма представительна (фото - 3). Рядом две фотографии ее детей: на

² https://azbyka.ru/otechnik/Hrisanf_Loparev/afanasij-ivanovich-papadopulo-keramevs/

³ Из свидетельства о крещении дедушки следует, что и его фамилия и фамилия Елены Георгиевны Масляниковы. Но в дальнейших документах встречается написание и Масленников, и Масленников, поэтому во избежание путаницы договоримся в дальнейшем использовать фамилию Масленниковы, как подписывала свои прошения Елена Георгиевна

первой - сын Александр (примерно около 2х лет) и старшая дочь Женя (лет семи в школьной форме). На второй - маленький Саша стоит в кресле (фото 4-5).

О Е.Г. я знала из рассказов бабушки (дедушка погиб в 1943 году в Кронштадте), что она состояла гувернанткой в доме некоего профессора («Какого-то там», - говорила бабушка Киса) при двух его племянниках - детях очень больной, буквально прикованной к постели сестры профессора. Жила в его доме и сопровождала профессора с племянниками и со своими детьми на какие-то светские рауты. Но в документах, которые я прочла за 2 года моих поисков, сослуживцы и друзья Афанасия Ивановича называют ее кто женой, кто дальней родственницей и многие вдовой. Моя бабушка Киса, старая большевичка, «член партии, пенсионер «всесоюзного значения», как она сама себя называла, говорила попросту, что Е.Г. была любовницей профессора и отзывалась о ней как о женщине легкомысленной, проводящей много времени у зеркала, которое, кстати, теперь хранится в моей семье - единственная реликвия, доставшаяся нам от деда. Мы знали, что умерла Е.Г. в больнице для душевнобольных святого Николая Чудотворца (Психиатрическая больница N 2) на реке Пряжке в Санкт-Петербурге еще до знакомства и женитьбы бабушки и деда. Бабушка считала, что Е.Г. сошла с ума, потому что больше не могла ездить на балы с профессором и, несмотря на изменившиеся после 1917 года обстоятельства, продолжала, глядя в вышеупомянутое зеркало, собираться на бал. Бог ей судья, моей бабушке Кисе, за ее классовое презрение к легкомысленным буржуазным дамочкам. Но после своего открытия я не перестаю думать о том, как могло случиться, что более 100 лет история жизни наших прабабушки и прадеда (в чем мы в дальнейшем убедимся) оставалась тайной за семью замками.

Бабушка ли скрывала от своей дочери и от нас, внуков, происхождение деда, или дедушка, запуганный режимом военной диктатуры пролетариата, так заметал следы, что убедил бабушку в том, что она вышла замуж за настоящего пролетария, балтийца – краснофлотца, нам уже не узнать. Но сам факт усилий, направленных на сокрытие своего происхождения, подтверждается документами. Так из метрики следует, что родители - мещане. Но в материалах личного дела дедушки, Масленникова А.К., помощника режиссёра киностудии Лентехфильм с 1933 года, есть творческий паспорт, в нем написано: «происхождение - из рабочих, национальность - русский». Значит «заметал». Такое было время (фото 32, 33, 34).

Но недаром говорят: «Все тайное становится явным». Простая случайность, пожелтевшая от времени бумага со странной фамилией крестного отца моего деда, дождалась, наконец, своего часа и открыла нам историю трагической жизни и гибели этой греческой пары, очень разных, но, видимо, очень дорогих друг другу людей.

Читая некролог Хрисанфа Мефодьевича Лопарева о похоронах Афанасия Ивановича,⁴ я еще не понимала, о ком, на самом деле, идет речь, пока не дошла до строчек о том, что на похоронах присутствовали сотрудники библиотеки, сослуживцы усопшего, вице-директор Публичной библиотеки Н.П.Лихачев, коллега и друг усопшего В.Н.Бенешевич, ученик ученого кавказский грек господин Лагинопуло, брат покойного К.И.Пападопуло-Керамевс и«дальняя родственница покойного и его наследница госпожа Е.Г.Масленникова с сыном». Стоп! Так это же о Е.Г., моей прабабке! С этого момента я стала читать все, что было тогда и позднее опубликовано

⁴ https://azbyka.ru/otechnik/Hrisanf_Loparev/afanasij-ivanovich-papadopulo-keramevs/)

о А.И.Пападопуло-Керамевсе (далее – А.И.) внимательно и подробно, потому что сразу поняла: здесь кроется какая-то тайна.

Почему на похоронах Е.Г. была с сыном, но без дочери? Почему она по духовному завещанию А.И. стала единственной наследницей его архива, библиотеки и всего имущества? Какие-то особые отношения связывали его с Александром? Какие? Что за человек был этот широко известный ученый грек, которого Х.М.Лопарев ставит в один ряд с греческими просветителями земли русской Максимом Греком, братьями Лихудами и др.

Как объяснить его одержимость в работе, которая, по мнению коллег, привела к раннему заболеванию и гибели ученого? Почему, прожив в России 22 года, он так и остался, видимо, очень одиноким, замкнутым человеком, который завещает свой бесценный архив и библиотеку, и все имущество какой-то дальней родственнице и ее сыну? Кто были его самые близкие люди, его семья? Что побудило его расстаться с греческой семьей и «бросить в Константинополе жену и дочь», как говорит заместитель Председателя ИППО, доктор исторических наук Н.Н.Лисовой со слов А.А.Дмитриевского в своем докладе к 100-летию со дня смерти ученого?⁵

По мере изучения архивных материалов, которые мне удалось получить в течение последних трех лет, перед моими глазами возникали все новые картины из личной жизни А.И. и Е.Г.⁶

Поэтому, обнаружив неожиданно для себя того самого профессора, с которым моя прабабка выходила «на балы» (теперь-то я понимаю, каким заблуждением было представление о ее легкомыслии), и узнав из публикаций о нем, что он был библиотекарем в Публичной библиотеке, я списалась с сотрудниками отдела рукописей и поехала на встречу в Санкт-Петербург.

Я не ожидала, что меня так приветливо встретят милые, по-питерски интеллигентные сотрудницы отдела рукописей и не только проявят простую любезность, но и выразят заинтересованность в тех семейных воспоминаниях и фотографиях, которые я привезла с собой.

Нам (а я приехала со старшим братом) были предоставлены сотрудниками отдела рукописей для ознакомления 2 папки с документами личного дела А.И. Такие дела велись на всех сотрудников библиотеки и, о счастье! бережно сохранялись на протяжении более 100 лет.

Первая папка (фото 12а) - это «Дело Императорской публичной библиотеки о службе Афанасия Ивановича Пападопуло-Керамевса». В ней переписка управляющего Министерством народного просвещения Российской империи Владимира Гавриловича Глазова с директором Императорской Публичной библиотеки Дмитрием Фомичем Кобеко о предоставлении А.И. должности библиотекаря. О прениях по поводу принятия в штат библиотеки ученого грека, не говорящего по-русски, подробно написано у Х.М.Лопарева и рассказано в докладе Н.Н. Лисового на заседании Научной секции Императорского Православного

⁵ <http://silun.ru/node/418>

⁶ Все материалы, которыми я располагаю, кроме личного архива, были мне предоставлены на основании возмездного договора из ЦГИА СПб, ЦГА СПб, архив киностудии ЛНФ, архив ГПБ в Санкт-Петербурге

Палестинского Общества, посвящённом 100-летию со дня кончины учёного, члена ИППО А.И. Пападопуло-Керамевса.⁷

Вторая значительная часть документов - Формулярный список о службе А.И. в ИПБ Санкт-Петербурга. (фото 7-9). В нем послужной список А.И., записи о зачислении на должность библиотекаря, сведения о наградах. Интересен первый разворот формуляра (26 страница дела): в графе «о семейном положении» есть запись о том, что А.И. женат первым браком, детей не имеет, дело о разводе производится в Афинском трибунале.

О греческой семье ученого у меня пока мало информации. Но! Н.Н.Лисовой в своем докладе, посвященном 100-летию со дня смерти А.И., ссылаясь на А.А.Дмитриевского, говорит о том, что А.И. бросил свою греческую семью «там, на Греческом Востоке, когда уехал в Россию...». А Х.М.Лопарев в ссылке №2 к некрологу пишет: «Жена и дочь его (приемная) однажды приезжали в Петроград, но оставались у мужа и отца, по-видимому, недолго и снова уехали в Константинополь»⁸. И, наконец, в формулярном списке от 1894 года записано: «Женат первым браком. Детей не имеет. Дело о разводе содержится в Афинском трибунале». Из вышесказанного напрашивается смелое предположение о том, что супруга А.И. приезжала к нему (по его приглашению, конечно), но по каким-то причинам не захотела жить с мужем в холодном, неприветливом городе и уехала в теплый, родной Константинополь. Отсюда и дело о разводе в Афинском трибунале. Что же касается девочки, которой на момент отъезда А.И. из Иерусалима в Санкт-Петербург было лет 9-10 лет (см. аудиозапись Н.Н. Лисового⁸), то запись в Формуляре о том, что «детей нет» и свидетельство Х.М.Лопарева, сослуживца и друга, все разъясняют: девочка не была его родной дочерью и, видимо, не была удочеренной.

Последняя запись в Формуляре (страница 31 дела) от 31 сентября 1911 года сообщает о том, что Афанасию Ивановичу поручено составление каталога греческих рукописей и описание наиболее замечательных из них (фото-9). Это запись констатирует завершение научного и творческого пути А.И. и фактическое отстранение его от прежней работы в связи с прогрессирующей болезнью. В апреле 1912 года было проведено освидетельствование надворным советником доктором медицины господином Фирманом состояние здоровья А.И. и поставлен диагноз - dementia, что делало дальнейшую деятельность в должности библиотекаря ИПБ невозможной (фото 16-16а).

После Формуляра следует обширная переписка и документация, связанные с присвоением А.И. звания надворного, а затем и статского советника, о пожаловании его орденом Св. Анны 2 степени, о командировке А.И. в Грецию и Египет для поисков рукописей в православных монастырях.

Последние документы данного дела содержат свидетельства стремительного развития заболевания и смерти ученого 18 октября 1912 года (фото 9 и 10).

Примечательны ходатайства о выделении денег на погребение ученого, который после своей кончины не оставил никаких средств (фото 10-11). А.И. был похоронен за казенный счет, а его вдова и ее дети, фактически, остались без средств к существованию. О сестре А.И. и его племянниках нет упоминания ни в одном из

⁷ <https://www.ippo.ru/ipporu/article/k-100-letiyu-so-dnya-konchiny-ai-papadopulo-kerame-201623>

⁸ <http://silun.ru/node/418>

известных мне документов. О его брате, Константине Ивановиче Пападопуло-Керамевсе, известно из некролога Х.М.Лопарева, что он был преподавателем духовного училища в городе Бугуруслане Самарской губернии.

Всего в деле прошито и пронумеровано 97 листов. Согласно последней странице, на которой ведутся записи о просмотре дела, оно было востребовано только 1 раз - 9 марта 2021 года (фото - 12), спустя более ста лет после смерти всемирно известного ученого. Это были я и мой брат. Мне на тот момент было 68 лет, брату - 74.

Часть II. Елена Георгиевна Масленникова

Перед нами лежала еще одна папка, хранящая в себе тайну «погибшего» архива А.И. Надпись на папке была следующая: «Дело Императорской публичной библиотеки. О приобретении у Е.Г.Масленниковой собрания рукописей и печатных книг А.И.Пападопуло-Керамевса. Начало - 16 мая 1913 года. Решено 20 февраля 1915 года, на 47 листах» (фото - 13).

В Предисловии к каталогу греческих рукописей ГПБ В.Н.Бенешевич, ученик и друг А.И., пишет: «На самом деле следует поставить в вину и ИПБ и пишущему эти строки то, что богатое научное наследие А.И. Пападопуло-Керамевса погибло в огне: невежественная вдова покойного до начала 20-х годов хранила два больших сундука, где было одних только подлинных документов XVII-XIX веков из архива Иерусалимского патриархата 28 толстых томов, кроме того, масса неизданных описаний рукописей разных библиотек, масса выписанных из рукописей и подготовленных к изданию текстов и переписка самого Пападопуло-Керамевса и других лиц по научным и политическим вопросам и проч., затем, не обратившись ни к кому за советом или помощью, вдова освободилась от обузы, вывалив содержимое сундуков в печку, как об этом рассказало лицо, помогавшее ей в этом деле. Только случайно один из 28 томов сохранился у брата покойного - И.И. Пападопуло-Керамевса». В своих материалах к "Истории византиноведения», упоминая о Пападопуло-Керамевсе, В.Н.Бенешевич пишет, что "деятельность (его) начиналась в библиотеке Иерусалимского патриархата; оттуда он вывез богатейшие материалы и в выписках, и в оригинале; **но только меньшую часть собранного удалось ему издать; все же остальное в виде двух битком набитых больших сундуков было употреблено наследницей на отопление комнаты!** Одной официальной переписки патриархов XVII-XVIII веков погибло 28 больших томов!». ⁹

Но, во-первых, Е.Г. к этому времени уже не было в живых! (фото 14 - 14а). Во-вторых, неужели В.Н.Бенешевич не знал о той драматической истории, которая продолжалась 2,5 года и завершилась передачей большей части наследия ученого в ИПБ в феврале 1915 года? «Все остальное» - это не «два сундука», а огромный перечень собрания, в составлении которого он лично принимал участие в 1913 году. По Протоколу заседания комиссии по оценке библиотеки покойного А.И.Пападопуло-Керамевса, подписанному А.А.Дмитриевским, В.Н.Бенешевичем и библиотекарем А.В.Карташовым, это

⁹ Архив РАН (СПб. Филиал). Ф. 192. Оп. 1. Д. 46. Л. 96.

«54 номера рукописей и до 5000 номеров (около 10000 томов) печатных книг....» (фото 17-17а).

В своем выступлении на заседании Научной секции Императорского Православного Палестинского Общества, посвященном 100-летию со дня кончины члена ИППО А.И. Пападопуло-Керамевса Н.Н. Лисовой говорит, несколько оправдывая вдову, о том, что есть письмо ученика А.И. некоего О. Лагинопуло к В.Э.Регелю от 19 апреля (к сожалению, без указания года), которое гласит: "Глубокоуважаемый Василий Эдуардович! Елена Георгиевна Масленникова просит Вас заглянуть к ней, ибо она хочет поговорить с Вами по поводу библиотеки покойного профессора Пап.-Керамевса и еще кое о чем. Дома она бывает почти всегда, но лучше, если Вы ее предупредите письмом (Столярный переул. д. 13, кв. 44). Со своей стороны, я хотел с Вами поговорить по поводу предполагаемой Вашей поездки (на Афон? - И.М.). Я работаю над составлением каталога библиотеки Пап.-Керамевса. Поэтому Вы меня можете застать там же всегда. Готовый к Вашим услугам О. Лагинопуло".

На письме нет указания года, но оно не могло быть написано позднее февраля 1915 года, потому что Е.Г. с детьми уже не жила по этому адресу.

Ответы на все эти вопросы хранились 106 лет в папке, которая лежала перед нами. В ней хроника спасения, а не гибели архива А.И. Страницы этого дела раскрыли перед нами драматический финал жизни А.И. и его вдовы Е.Г.

Они повествуют о том, что после смерти А.И. Е.Г. осталась с дочерью и сыном без средств к существованию. Как мы видели из ходатайства о выделении средств на похороны умершего, каких-либо сбережений и накоплений не было (фото 10-11).

Точная дата рождения Е.Г. неизвестна. Но из свидетельства о смерти явствует, что Е.Г. умерла 31 марта 1919 года в больнице св. Николая Чудотворца. Ей было 37 лет (фото 14-14а). Значит, она родилась в 1882 году. В одном из своих прошений о приобретении архива А.И. на имя директора ИПБ Д.Ф.Кобеко она пишет о том, что прожила с А.И. 14 лет (фото 18-18а). Значит, в супружеские отношения они вступили в 1898 году, когда ей было 16. К этому времени она уже была замужем и имела годовалую дочь. Судя по первому и последующим прошением, написанным ею лично в 1913-1914 годах, в отличие от А.И., она говорила и писала на русском языке. Некоторые документы, подписанные А.И., явно написаны ее рукой. Но какой-либо профессии, которая позволила бы ей работать и содержать семью, она не имела. Ведь большую часть своей жизни она провела рядом с А.И., выполняя обязанности жены, матери и воспитательницы своих детей и племянников А.И., хранительницы дома, уюта и комфорта, необходимого для научной каждодневной работы ученого. Конечно, для него, не говорящего на «скифском», как он выражался, языке, она была еще и переводчиком, и секретарем. Из переписки известно, что она занималась составлением описи библиотеки. Упоминание о ее первом муже прослеживается только в 1903 году, когда рождается сын. В свидетельстве о крещении отцом назван Масляников К.И., а крестным отцом - Пападопуло-Керамевс А.И. Крестили мальчика в греческой посольской церкви Святого Великомученика Димитрия Солунского при греческом посольстве. В этом же храме в 1912 году будут

отпевать А.И. (в 1962 году церковь была разрушена и на ее месте построен концертный зал «Октябрьский»).

Этому союзу она будет верна до конца своих дней, и свято будет выполнять наказ мужа о сохранении его наследия. Об этом подробно пишет Х.М.Лопарев, который после смерти А.И. становится его преемником по службе, занимает пост библиотекаря. Уж он-то знал, как никто другой, все о судьбе архива А.И. В своем некрологе памяти А.И. он не случайно писал о той роли, которую сыграла в этом деле вдова ученого.

Первые страницы дела рассказывают о создании комиссии по составлению описи архива и библиотеки. В состав комиссии вошли все именитые на тот момент специалисты, хорошо знавшие А.И., его труды, безусловно бывавшие в его доме и знакомые с собранием. Это А.А.Дмитриевский, В.Н.Бенешевич, директор ИПБ Д.Ф.Кобеко, библиотекарь богословского отдела ИПБ А.В.Карташов. В протоколе заседания комиссии приведен подробный перечень всего собрания (фото - 17-17а), который свидетельствует о том огромном значении для исторической науки и византологии, которое имеет сам факт поступления этого собрания в ИПБ. Об этом писал в своей записке директору библиотеки Д.Ф.Кобеко А.А.Дмитриевский: «...будучи знаком с его библиотекой раньше, я всегда признавал приобретение ее для Императорской Публичной библиотеки желательным и почетным...» (фото б). А вот мнение самого директора ИПБ Д.Ф.Кобеко, которое он высказывает в докладе «господину Главноуправляющему Канцелярии Его Императорского величества»: «К сожалению, русская наука недостаточно знакома с изданиями по византийским древностям, выходящим на греческом языке в пределах Оттоманской империи, откуда они почти не достигали России. Библиотека А.И. Пападопуло-Керамевса, как изложено это в протоколе Комиссии, вмещает в себе именно такого рода книги, могущие служить важным пособием для отечественных византистов. Составить подобное собрание в настоящее время, по моему убеждению, весьма затруднительно: понадобились бы большие расходы и продолжительное время». (фото - 15-15а).

Процедура вынесения положительного решения о приобретении собрания А.И. для ИПБ началась в июне 1913 года. Побудительным моментом к этому послужили неоднократные обращения вдовы покойного в Канцелярию Его Императорского Величества и непосредственно к директору ИПБ. В этих прошениях, написанных ее рукой и рукой, видимо, ее дочери-гимназистки, целая летопись жизни семьи покойного ученого за два с половиной года. Нельзя читать эти обращения-мольбы о помощи и содействии в деле спасения огромного бесценного наследия А.И. без сострадания и скорби (18-18а, 19-19а, 20). Очень скоро после смерти мужа Е.Г. стала испытывать материальные затруднения. Содержание архива требовало сохранения его в прежних помещениях. Переехать в более скромную квартиру не было возможности без риска утраты части собрания. Два с половиной года семья живет, закладывая личное имущество. И вот по прошествии двух лет после смерти мужа Е.Г. в полном отчаянии пишет очередное прошение (от 8 октября 1914 года), в котором говорит о своем бедственном положении, о том, что продавать больше нечего, о том, что она «в течение двух последних лет существовала с сыном покойного, гимназистом, только залогом своих вещей» и далее: «Теперь же закладывать нечего. Вся обстановка, кроме собрания книг и рукописей и А.И., описана за долги по квартире, к 1 ноября сего года будут также описаны книги и рукописи, которые пойдут за бесценок букинистам. Я позволила себе побеспокоить Ваше Высокопревосходительство моей просьбой лишь после безуспешных стараний в течение двух лет сделать что-нибудь для

облегчения моего положения, в связи с которым находится вопрос **о сохранении упомянутого собрания для русского научного мира**». (фото-18-18а).

Почему на два с лишним года затянулась процедура принятия, казалось бы, простого и очевидного решения? Вот ответ. Письмо от 4 февраля 1915 года только что назначенного (9 января 1915 года) Управляющего Министерством народного просвещения графа П.Н.Игнатьева директору ИПБ Д.Ф.Кобеко (фото- 24-24а). В нем будущий министр выражает обеспокоенность угрозой, нависшей над наследием А.И., и напоминает Дмитрию Фомичу, что еще в ноябре 1913 года министр народного просвещения Л.А. Касса одобрил приобретение собрания и решение было внесено в Государственную думу. Д.Ф. Кобеко был об этом извещен директором департамента Государственного казначейства письмом от 18 ноября 1913 года (фото 28), но в суматохе дней, видимо, запамятовал. Но строгий тон письма Игнатьева подействовал, и уже 6 февраля 1915 года Дмитрий Фомич отдает письменное распоряжение библиотекарю А.В.Карташеву о немедленной организации приемки собрания А.И. прямо на квартире в Столярном переулке (фото - 29).

Надо сказать, что этому предшествовала длительная переписка между Е.Г. и Дмитрием Фомичем о том, в каком формате должна происходить передача архива, в ней чувствуется даже некоторое раздражение с обеих сторон, что завело переговоры в тупик. Но, благодаря вмешательству министерства, группа специалистов ИПБ выехала на квартиру к Е.Г. и приемка архива была завершена до 12 апреля 1915 года (фото 30). Ни одного листка из перечисленного в Протоколе 1913 года не пропало, об этом есть документ, составленный при передаче архива А.В.Карташовым (фото 27).

Деньги в размере 15000 рублей (за вычетом аванса 200 рублей и долга за квартиру по иску домовладелицы на сумму 1391 рублей 64 коп.) были выплачены Е.Г. Большая их часть обесценилась после 1917 года.

Так было спасено наследие ученого византолога, которое по Повестке № 2511 судебного пристава Санкт-Петербургского окружного суда Н.С. Чернышова было арестовано 23 октября 1914 года за долги, а семья ученого, согласно этому документу, выселялась по адресу ул.Поварской переулок, дом 12 (фото 22).

Е.Г. умерла 3 апреля 1919 года в психиатрической больнице, как написано в записи о смерти. Причина смерти - миокардит. Но в 1919 году многие умирали от голода. Я предполагаю, что остановка сердца молодой 37-летней женщины была вызвана, скорей всего, той же причиной. Елена Георгиевна была похоронена ее братом, Ефимом Капицей, на Смоленском кладбище. Могила не известна.

Сын Александр погиб в мае 1943 года в Кронштадте. В бабушкином архиве хранятся все военные письма деда, последнее написано накануне гибели 31 марта 1943 года. На фотографии в центре дедушка, слева его старшая сестра Евгения Константиновна Масленникова (фото 32). Во время службы на флоте дедушка получил специальность электрика. С 1933 года, после окончания режиссёрских курсов, работал на ленинградской кинофабрике научно-учебных и технических фильмов „Лентехфильм“ (фото 33). Здесь снял свой первый и единственный художественный фильм «Остров погибших кораблей». На фото он вместе с Леонидом Кмитом на съёмках фильма (фото 34).

Его сестра Евгения Константиновна прожила долгую жизнь и умерла в Ленинграде 16 декабря 1971 года. Я ее хорошо помню. Она хранила молчание о том

времени всю жизнь. Моя троюродная сестра, ее внучка, впервые узнала о жизни своей бабушки и моего деда от меня спустя 106 лет после драматических событий, происшедших в связи с приобретением ИГБ архива А.И. Пападопуло-Керамевса.